

пути до Портсмута по железной дороге. Прибыв в Бостон, российский представитель «пожал руки всей поездной прислуге, а машиниста даже поцеловал». На самом деле, С.Ю. Витте лишь дал машинисту и кочегару чаевые и пожал протянутые ему руки, а газеты раздули этот эпизод. Впрочем, «легенда о поцелуе сделала больше для популяризации русской миссии <...>, чем наши дипломатические любезности»¹³⁵. И действительно, с этого момента русскую делегацию и особенно С.Ю. Витте стали встречать уже не просто с интересом и симпатиями, но с овациями. До этого в США господствовало мнение о России как о стране мрачного абсолютизма и реакции¹³⁶.

12.4. Русско-японские переговоры в Портсмуте

Портсмут в начале XX в. был небольшим провинциальным городом с 10-тысячным населением. Русская и японская делегации поселились в деревянном четырёхэтажном отеле «Уинтворт» (который существует и сейчас), находившимся в четырёх верстах от центра. Номера «были очень дороги и плохи и все одного образца и размера». «У Витте и у барона [Розена] по две маленькие комнаты с ваннами <...> Потолки низкие, убранство самое простое, окна на шарнирах поднимаются кверху и в каждом окне проволочная сетка от комаров <...> Вообще комфорта мало, прислуга состоит из горничных-американок и мальчиков-мулатов (bell-boys), которых не дозвониться и которые отвечают на всё совершенно бестолково»¹³⁷. Русская делегация жила вразбивку, помимо неё в отеле находились другие постояльцы, а также 60 репортёров. Секретарь делегации Г.А. Плансон вспоминал: «Мы были фактически в осаде у корреспондентов. Нельзя было пройти по коридору или общим залам, чтобы не встретить их десятками». Несколько журналистов «почти непрерывно» дежурили у дверей номера С.Ю. Витте. «Всё, что им удавалось подметить, услышать или подслушать, тотчас печаталось в газетах»¹³⁸. Глава российской

¹³⁵ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.212–213.

¹³⁶ Однако, несмотря на все усилия, изменить отношение американского общественного мнения и средств массовой информации к России С.Ю. Витте не удалось (Trani E.P. The Treaty of Portsmouth: an Adventure in American Diplomacy. Lexington: University of Kentucky Press, 1969). Наступившую же сдержанность прессы в отношении японских требований (уже в июне американские газеты «снизили» размер контрибуции с 2 млрд. до 500 млн. долларов, из которых ещё следовало вычсть стоимость Порт-Артура и Дальнего) агент Министерства финансов в США Г.А. Виленкин связывал с посредническими усилиями Т. Рузвельта и его влиянием (Г.А. Виленкин – В.Н. Коковцову 8 (21) июня 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.31–33).

¹³⁷ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №1 (29). С.216.

¹³⁸ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Л.26–27. Для общения с прессой со стороны русской делегации были назначены К.Д. Набоков и И.Я. Коростовец, ко-

делегации позже брюзжал: «Пребывание в Портсмуте в смысле помещения и в особенности еды было чёрт знает что такое. Решительно все переболели. Я испортил вконец своё пищеварение и не знаю, как и когда мне удастся его исправить»¹³⁹.

Сами переговоры происходили на острове в здании «Navy Yard», принадлежащего флоту. От отеля до места встреч делегаций было около 8 вёрст через весь город «по плохой грунтовой дороге». Чтобы преодолеть это расстояние, экипажу требовался час, автомобилю – полчаса. С.Ю. Витте предпочитал пользоваться автомобилем.

Переговоры начались 27 июля (9 августа). Заседания проходили почти каждый день, они были как официальные (с составлением протоколов), так и неофициальные, где стороны в частном порядке пытались договориться по наиболее спорным вопросам. С.Ю. Витте по-прежнему был настроен весьма пессимистически, «измучен, удручён и склонен по окончании порученного ему дела махнуть рукой на всё»¹⁴⁰. Причина такого настроения заключалась, по видимому, в том, что русский представитель не знал, как исполнить данные ему инструкции, особенно после провала идеи заключить союзный договор с Японией. Едва ли будет преувеличением сказать, что главные трудности для себя он ожидал не от японцев, а из Петербурга, опасаясь переменчивости Николая II и влияния на него «партии войны». 28 июля (10 августа) русская делегация получила письменный текст японских условий¹⁴¹. Требования, предъявленные России, оказались весьма обширными и выходили за пределы допустимого в половине пунктов¹⁴². В частности, это контрибуция, переда-

торые «своим обходительным обращением» завоёвывали симпатии корреспондентов (Русин А.И. Указ. соч. С.255).

¹³⁹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу, б/д. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.381. Л.386–389.

¹⁴⁰ И.П. Шипов – В.Н. Коковцову 28 июля 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.28.

¹⁴¹ Т. Рузвельт был ознакомлен с ними ещё до начала переговоров и советовал японцам умерить их требования, в частности отказаться от попытки заставить Россию разоружить Владивосток, передать Токио интернированные во время войны в нейтральных портах русские военные суда и максимально уменьшить сумму требуемой денежной компенсации, избегаая понятия «контрибуция» (Esthus R. Op. cit. P.71–72).

¹⁴² 1) Россия, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства или надзора, кои Япония сочтёт нужным принять в Корее.

2) Обязательство со стороны России совершенно эвакуировать Маньчжурию в течение определённого срока и отказаться от всех территориальных выгод от преимущественных и исключительных концессий и прав в этой местности, нарушающих китайский суверенитет и несовместимых с принципом одинакового благоприятствования.

3) Япония обязуется возвратить Китаю под условием введения им реформ и улучшения управления все те части Маньчжурии, кои находятся в её оккупации, исключая тех, на кои распространяется аренда Ляодунского полуострова.

ча Сахалина и интернированных судов, ограничение морских сил России на Дальнем Востоке.

После получения японских условий русская делегация немедленно собралась на совещание. С.Ю. Витте решил дать ответ ещё до получения инструкций из Петербурга, якобы для того, чтобы не создавать у японцев впечатление, что их условия «произвели на нас сильное впечатление или вызвали растерянность»¹⁴³. Совещание было относительно недолгим, длилось три

4) Япония и Россия взаимно обязуются не препятствовать общим мерам, кои Китай признает нужным принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

5) Сахалин и все прилегающие острова и все общественные сооружения и имущества уступаются Японии.

6) Аренда Порт-Артура, Талиена (Дальнего – И.Л.) и прилегающие местности и территориальные воды, а равно все права, привилегии, концессии и преимущества, приобретённые Россией у Китая в связи или как часть этой аренды, и все общественные сооружения и имущества передаются и закрепляются за Японией.

7) Россия предоставляет и передаёт Японии свободную от всяких претензий и обязательств железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром и все её разветвления вместе с правами, привилегиями и преимуществами и всеми угольными копиями, принадлежащими или разрабатываемыми в пользу железной дороги.

8) Россия удерживает и эксплуатирует трансманьчжурскую железную дорогу на условиях и в зависимости от концессии на её сооружение, а также под условием, что она будет эксплуатироваться исключительно для коммерческих и промышленных целей.

9) Россия возмещает Японии действительные издержки за войну. Размер, а равно как и способ этого возмещения будут определены впоследствии.

10) Все русские военные суда, кои вследствие повреждений, полученных на войне, укрылись в нейтральных портах и были там интернированы, будут выданы Японии как законные призы.

11) Россия обязуется ограничить свои морские силы в водах Дальнего Востока.

12) Россия предоставит японским подданным полные права по рыбной ловле вдоль побережья и в заливах, гаванях, бухтах и реках своих владений в Японском, Охотском и Беринговом морях.

(Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №2 (30). С.112–113).

¹⁴³ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Л.33. Почему С.Ю. Витте так торопился? Если его объяснение правдиво, то оно означает, что российский посланец всерьёз рассчитывал на успех переговоров, а его пессимизм был наигранным. Но более вероятен другой вариант. Быстрым ответом С.Ю. Витте подстраховывал себя от изменений позиции в Петербурге. У него имелись все основания опасаться, что «партия войны» возьмёт в столице верх. Тогда будущий триумфатор Портсмута сослался бы на то, что в ответе российская делегация не вышла за рамки имевшихся у неё инструкций. И, наконец, такой шаг побуждал Петербург принять ответ С.Ю. Витте, не внося в него серьёзных корректив, чтобы не дезавуировать действия делегации. То есть мотивов для спешки было более, чем достаточно. Из них желание продемонстрировать японцам готовность к диалогу вряд ли занимало главное место.

часа. Но оно исключительно важно для понимания всего хода дальнейших переговоров. С.Ю. Витте сформулировал на нём свой принципиальный подход к заключению мира. Он исходил из того, что японская сторона, не доверяя России, рассуждала примерно так: «Россия, не платя контрибуции, имея в своих руках Сахалин и Владивосток, владея остатками флота и выстроив новый, воспользуется опытом своих неудач и нападет на нас <...> Единственное средство обеспечить мир – это надолго обессилить Россию»¹⁴⁴. Но как раз это желание выглядело наиболее труднодостижимым. Даже если бы Японии удалось настоять на большей части своих требований, она не столько бы обеспечила себя на будущее, сколько создала бы Петербургу дополнительные стимулы для реванша. Иначе говоря, чем больше уступала Россия, тем большие опасности в будущем несли такие «успехи» Японии, как ни парадоксально это звучит. Однако обе стороны в известной степени стремились не просто заключить мир, но и установить такое положение дел на Дальнем Востоке, которое бы не вызывало ни у одной из сторон желания пересмотреть его. Кроме того, глава российской делегации полагал: «если будет не только мирный, но и дружеский договор о вопросах, по кот[орым] мы солидарны, то это в интересах Англии и Франции»¹⁴⁵. Предпосылкой для успеха являлось устранение недоверия, поэтому С.Ю. Витте поставил перед собой задачу – успокоить Японию, ещё раз предложив ей союзное соглашение для закрепления итогов мира. Таким образом, он опять вернулся к идее, отвергнутой Т. Хаяши и его токийским руководством незадолго до начала переговоров. Стремясь к союзу с Японией, российский уполномоченный предлагал пойти на такие уступки Токио, которые выглядели недопустимо для Петербурга («если бы мы могли выразить мысль, что <...> готовы обязаться сохранить за Япониею её приобретения, то это будет способствовать успокоению японцев и всего мира, который увидит искренность наших намерений. Если мы скажем японцам, что обязуемся защищать права, которые за ними признали, то этим можем облегчить принятие наших условий»). Речь шла, в частности, о том, чтобы поддержать Японию в Корее в противовес другим державам. С.Ю. Витте и Ф.Ф. Мартенс надеялись, что это сможет расположить Токио к Петербургу, Р.Р. Розен же относился к идее скептически, справедливо думая, что Страна восходящего солнца в таком содействии не нуждается¹⁴⁶. Будущий граф также намеревался отдать Японии занятый ею Сахалин. Сделав эту уступку, С.Ю. Витте намеревался использовать её

¹⁴⁴ Там же. Л.34; Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №2 (30). С.115–116.

¹⁴⁵ Черновая запись совещания русской делегации, сделанная Г.А. Плансоном // ГАРФ. Ф.818. Оп.1. Д.99. Л.2 об.

¹⁴⁶ Там же. Л.3.

в интересах достижения приемлемого для России результата в других пунктах. Но позиция Николая II связывала руки российскому уполномоченному, исключая подобную тактику.

Русский ответ 30 июля (12 августа), ещё до получения указаний из Петербурга, пришедших 31 июля (13 августа), действительно произвёл сильное впечатление на японцев, не ожидавших такой оперативности, а также на американцев. Как минимум, одной цели С.Ю. Витте достиг: быстроту ответа все истолковали как стремление России к миру. Конечно, это не развеяло подозрительности японской стороны, но несколько пошатнуло её. Кроме того, японские условия проникли в печать (явно не без содействия русской делегации). Когда же японцы подняли этот вопрос на конференции (так как ранее договорились, что ход переговоров будет конфиденциальный), С.Ю. Витте в ответ вообще предложил сделать дискуссию открытой, то есть сообщать корреспондентам о всех её подробностях. Однако японская сторона отвергла подобную гласность, дав возможность русской делегации заработать ещё одну порцию симпатий в глазах американского общественного мнения.

В остальном дело обстояло не так хорошо. В ответе японцам констатировалось, что Россия готова отказаться от Кореи и Квантуна, Маньчжурия становилась китайской без всяких особых преимуществ для русских, но в вопросах Сахалина, контрибуции, нейтрализации КВЖД, ограничении флота было сказано твёрдое «нет».

Утешительным известием для С.Ю. Витте стало одобрение его позиции Николаем II: царь признал неприемлемыми те же пункты¹⁴⁷. Однако главным для российского уполномоченного явилось не столько единодушие с монархом, сколько свидетельство того, что «партия войны» не увеличила своё влияние, и намерение царя заключить мир остаётся в силе. С.Ю. Витте решил, что надо действовать и попытался ещё раз оказать давление на самодержца. В этот же день он послал И.Я. Коростовца публично справиться о расписании ближайших пароходов в Европу¹⁴⁸. Сановник сделал это нарочито демонстративно, но не столько для японцев, сколько для Петербурга: там наверняка через день-два прочитали бы в газетах, что из-за своей жёсткой позиции русская де-

¹⁴⁷ В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 30 июля (12 августа) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.115–116. Возможно, что это сопровождалось повелением Николая II прервать переговоры, если японцы не откажутся от неприемлемых для России условий. А.И. Русин в своих воспоминаниях сообщил, что русская делегация дважды паковала чемоданы после телеграфного повеления из Петербурга возвращаться в Россию (Русин А.И. Указ. соч. С.255).

¹⁴⁸ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №2 (30). С.134.

легация вынужденно готовится к отъезду¹⁴⁹. После этого С.Ю. Витте отправил в Петербург паническую телеграмму: «Соглашение ввиду громадной разницы условий сторон не будет достигнуто»¹⁵⁰. Готовясь к разрыву переговоров, он писал в Петербург: «мы должны вести дело так, чтобы привлечь на свою сторону <...> большую часть общественного мнения Европы и Америки, <...> чтоб со спокойной совестью можно было, в случае если не состоится заключение мира, опубликовать все документы и передать всё дело на суд всего человечества»¹⁵¹. Это был намёк: пусть в России ещё раз взвесят свою позицию и подумают о возможных уступках. Хотя С.Ю. Витте имел мало оснований надеяться, что все его демарши принесут результат.

Вопреки мрачным ожиданиям российского уполномоченного японцы не прервали переговоров. Началось конкретное обсуждение японских условий, статья за статьёй¹⁵². Сразу подтвердилась ошибочность надежды С.Ю. Вит-

¹⁴⁹ Первым эту идею – что демонстративные шаги С.Ю. Витте были предназначены большей частью не для японцев, а для Петербурга – высказал А.В. Игнатъев (Игнатъев А.В. Указ. соч. С.216).

¹⁵⁰ Телеграмма С.Ю. Витте 1 (14) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.120–121. С.Ю. Витте беспокоился также из-за того, что в Петербурге всё ещё не было опубликовано Учреждение Государственной думы. Далее в «панической» телеграмме он писал о необходимости искать денег. По мнению уполномоченного, следовало «систематически и планомерно действовать на прессу, привлекать к себе влиятельных людей. Прошло то время, когда к нам ездили давать деньги, нужно теперь нам ездить и создавать конъюнктуры», главным образом во Франции и США. Естественно, что учреждение Думы оказалось как нельзя более кстати. Кроме того, вечер 1 (14) августа С.Ю. Витте провёл с еврейскими банкирами, которые и являлись главными кредиторами Японии. Глава российской делегации убедился, что их информация о положении соплеменников в России крайне односторонняя, почерпнутая преимущественно со слов врагов или свидетельств эмигрантов (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 2 (15) августа 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.33). С.Ю. Витте пообещал собеседникам, что еврейский вопрос в России разрешит Государственная дума. Сведения о встрече С.Ю. Витте и его заявлениях уже на следующий день после встречи появились в «Boston Globe». В общем, отступать ему было уже некуда.

¹⁵¹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 31 июля (13 августа) 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.117–118.

¹⁵² «Интересно наблюдать, как держат себя наши и японские уполномоченные. Барон Комура говорит отдельными фразами, по-видимому, по обдуманному плану, справляясь по лежащей перед ним программе, по временам останавливаясь, чтобы секретарь мог перевести. Витте же говорит залпом, часто повторяясь, так что переводчику трудно за ним уследить; в тоне речи много чувства и патетических выражений. Во время заседаний он встаёт, ходит по комнате, жуёт бумагу и обращается к Розену. <...> Невозмутимее всех Такахира и барон Розен. Первый говорит лишь по приглашению барона Комуры и курит папиросу за папиросой, второй не выступает, кроме случаев, когда ему кажется, что секретари неточно переводят. <...> Когда Витте недоволен, то начинает

те на возможность заключения с Токио союзного соглашения. Уже 30 июля (12 августа) Ю. Комура «довольно сухо заявил, что Япония не нуждается в поддержке России»¹⁵³. Этому были две главные причины: сохраняющееся сильное недоверие к Петербургу и только что пролонгированный договор с Англией. Несколько дней стороны состязались в красноречии и ловкости изыскания доводов в свою пользу. По ходу дискуссии С.Ю. Витте неоднократно впадал в панику. 1 (14) августа он писал из Портсмута В.Н. Коковцову о необходимости готовиться к продолжению войны и В.Н. Ламздорфу с формулировками, подготовленными на случай провала переговоров¹⁵⁴. 5 (18) августа обсуждение, наконец, завершилось. По четырём статьям разногласия преодолеть не удалось (Сахалин, контрибуция, суда в нейтральных портах и ограничение морских сил на Дальнем Востоке).

С.Ю. Витте, тем не менее, был готов уступать японцам почти во всех спорных пунктах. Он полагал, что вопрос о судах не имеет серьёзного практического значения и важен лишь с точки зрения национального достоинства. Аналогично – об ограничении сил на Тихом океане, так как Россия и без того не смогла бы «в ближайшие десятилетия держать на Дальнем Востоке флот, способный бороться с японским». Сохранение же за Россией Сахалина выглядела для российского уполномоченного неразрешимой проблемой: японцы уже захватили остров, «и я не вижу возможности, по крайней мере, в ближайшие десятилетия, его отобрать». Единственно, что С.Ю. Витте категорически отверг – это контрибуцию, которая, по его мнению, с нравственной точки зрения «коробит русскую душу»¹⁵⁵. Но одно дело – нравственность, а другое – срыв мирных переговоров, так как, по мнению С.Ю. Витте, продолжение войны стало бы «величайшим бедствием для России»¹⁵⁶. Точка зрения сановника на

ёрзать на стуле, закидывает ногу на ногу и вертит ступнёй. Барон Комура хладнокровнее; его неудовольствие выражается в том, что он с силою стряхивает пепел с папиросы, стуча об стол пальцами, и говорит резче. На втором или третьем заседании Витте спросил чаю, на следующий день японцы последовали его примеру. Теперь пьют чай почти каждый день, впрочем, одни послы. <...> Когда стемнело, Витте захотел сам зажечь электрические люстры. Это представило некоторые затруднения, так как лампы высоки и ему пришлось вытянуться во весь рост, чтобы захватить шнуры. Барон Комура и остальные с интересом следили за этой операцией, видимо, завидуя росту нашего посла» (Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // Былое. 1918. №2 (30). С.139).

¹⁵³ Там же. С.126.

¹⁵⁴ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 1 (14) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.122–123.

¹⁵⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 4 (17) августа 1905 г. // Там же. С.137–139.

¹⁵⁶ Телеграмма С.Ю. Витте №15 5 (18) августа 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.51–52.

уступки диаметрально изменилась: если перед отплытием из Франции он язвительно писал о «бухгалтерском» подходе В.Н. Коковцова, то сейчас полностью принял его сам. Тем не менее, остаётся впечатление, что российский уполномоченный внутренне был готов уступить и в вопросе контрибуции. Правда, наилучшим выходом он признавал передачу Японии всего Сахалина без всяких выплат. Но на такую комбинацию категорически не соглашались японцы¹⁵⁷. Пока же С.Ю. Витте решил, в строгом соответствии с инструкцией, отдать все эти проблемы на заключение Петербурга.

Во время возникшей паузы японцы с помощью Т. Рузвельта организовали давление на Россию при участии в нём Берлина и, в некоторой степени, Парижа¹⁵⁸. Одновременно 6 (19) августа во время встречи с Р.Р. Розеном Т. Рузвельт пообещал ему побудить японцев к уступкам. Он полагал, что сможет уговорить их отказаться от требований получить интернированные суда и ограничить военные силы России в Тихом океане. Взамен президент надеялся, что Россия отдаст Японии Сахалин, а вопрос о контрибуции предлагал передать на усмотрение двух посредников (т.е. решить пока только в принципе, но такой порядок означал, что Россия принимает постановку вопроса об уплате вознаграждения, после чего её было бы легче дожать)¹⁵⁹.

Впрочем, оказалось, что его переговоры с Р.Р. Розеном не имели никакого значения. Пока лидер Америки беседовал со вторым российским уполномоченным, Ю. Комура предложил от своего имени, оговорившись, что он делает это без ведома Токио, новую комбинацию условий. Японская сторона отказывалась от выдачи ей интернированных судов и ограничения русских морских сил на Тихом океане, а также возвращала северную часть Сахалина (до 50 параллели) России за 1,2 млрд. иен (около 1,2 млрд. руб.)¹⁶⁰. Решение японского представителя оказалось для всех сюрпризом, в том числе и для американского президента. После неё Т. Рузвельт утратил на переговорах инициативу, а его посреднические возможности свелись практически к нулю.

С.Ю. Витте же немедленно ухватился за новое японское предложение. Понимая, что поддержки от царя он не получит, русский уполномоченный попытался действовать в обход Николая II. С.Ю. Витте попросил В.Н. Коковцова, с которым мог быть более откровенным, приложить все усилия, чтобы решение

¹⁵⁷ Телеграмма С.Ю. Витте №22 5 (18) августа 1905 г. // Там же. Л.54–55.

¹⁵⁸ Esthus R. Op. cit. P.116–117.

¹⁵⁹ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 7 (20) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.162–163.

¹⁶⁰ Основой для определения суммы, которую Япония хотела бы получить с России, являлся размер государственного долга, выросшего за время войны с 600 млн. до 2,4 млрд. иен. «Общественное мнение» полагало, что надо требовать 1,5–2 млрд. иен (Esthus R. Op. cit. P.109).

о японской инициативе принималось бы в Петербурге «по совещании с нашими мудрейшими сановниками», прежде всего с Д.М. Сольским и К.П. Победоносцевым¹⁶¹. С.Ю. Витте надеялся таким образом парализовать влияние «военной партии» на Николая II и сыграть как на государственной опытности этих людей, так и на их страхе перед революцией. Министр финансов отозвался на просьбу, но, скорее всего, он не слишком усердствовал в помощи С.Ю. Витте. Дело в том, что отношения между ними нельзя назвать безоблачными. Кроме того, сам В.Н. Коковцов имел несколько иные, чем С.Ю. Витте, и неизменные представления об условиях мира. Он сразу допускал, что придётся отдать половину Сахалина, в крайнем случае – весь Сахалин, но никакой контрибуции платить не следовало¹⁶².

Однако царь занял твёрдую позицию, наложив на телеграмме российского уполномоченного 4 (17) августа по поводу Сахалина резолюцию: «Ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек»¹⁶³. Ни В.Н. Коковцов, ни В.Н. Ламздорф не настаивали на проведении совещания для обсуждения японских условий мира¹⁶⁴. Единственно, на что согласился царь, это запросить мнения военного и морского министров, а также великого князя Николая Николаевича (т.е. представителей той самой «военной партии»), чьего влияния в Петербурге так опасался С.Ю. Витте). Глава российской делегации пытался настоять на своём, призывая В.Н. Коковцова сообщить его просьбу не только Д.М. Сольскому, но и Д.Ф. Трепову, влиятельному тогда петербургскому генерал-губернатору, чтобы решение о мире было принято «в совещании под председательством государя при участии хотя бы некоторого числа видных представителей сословий»¹⁶⁵. В этом предложении можно усмотреть призыв к созыву чего-то вроде Земского собора. На сей раз игра С.Ю. Витте поддержки не получила: Д.М. Сольский просто отказался, а Д.Ф. Трепов сделал вид, что не понял, о каких представителях сословий идет речь¹⁶⁶. 8 (21) августа С.Ю. Витте и сам пытался убедить Николая II хотя бы из тактических соображений вести себя мягче: «если мы хотим, чтобы вина в безрезультатности конференции пала исключительно на Японию, то нельзя отвергать и уступку

¹⁶¹ С.Ю. Витте – В.Н. Коковцову 6 (19) августа 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.36–37.

¹⁶² В.Н. Коковцов – В.Н. Ламздорфу 7 (20) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.149–153.

¹⁶³ Резолюция Николая II на телеграмме С.Ю. Витте В.Н. Ламздорфу 4 (17) августа 1905 г. // Там же. С.137.

¹⁶⁴ Коковцов В.Н. Указ. соч. С.83–84. Вместо этого В.Н. Ламздорф, В.Н. Коковцов и Д.М. Сольский представили Николаю II своё мнение о недопустимости подобного образа действий, царь согласился с ними.

¹⁶⁵ С.Ю. Витте – В.Н. Коковцову 11 (24) августа 1905 г. // Красный архив. 1924. №6. С.38.

¹⁶⁶ В.Н. Коковцов – С.Ю. Витте 12 (25) августа 1905 г. // Там же. С.39–40.

Сахалина, и возмещение военных расходов»¹⁶⁷. Более того, от имени всей российской делегации (хотя половина её была против, в том числе и Р.Р. Розен), первый уполномоченный составил телеграмму В.Н. Ламздорфу, что готов пойти на риск и предложить Японии отказаться от денег ради уступки ей всего Сахалина, будучи почти уверен в отказе противника¹⁶⁸. Всё оказалось тщетно. 9 (22) августа вечером, в 19.00 В.Н. Ламздорф имел всеподданнейший доклад, на котором царь ещё раз подтвердил неизменность своей позиции. Самодержец решил прервать переговоры в случае неудачи и поручил сделать это на вопросе о контрибуции, а не о Сахалине, так как Т. Рузвельт и «общественное мнение», по представлению Петербурга, поддержали бы Россию в части выплат, а вот уже занятые территории японцы «имеют право требовать»¹⁶⁹. В.Н. Ламздорфу поручили подготовить проекты телеграмм для С.Ю. Витте о прекращении переговоров¹⁷⁰. В итоге 9 (22) августа (благодаря разнице во времени) русская делегация получила распоряжение из Петербурга, в котором японское условие «половину Сахалина в обмен на деньги» признавалось недопустимым, ей предписывалось прервать переговоры, если японцы не откажутся от своего требования.

С того момента, когда выяснилось, что главными препятствиями являются два вопроса: о судьбе Сахалина и об уплате контрибуции, центр принятия решений фактически переместился в Петербург, а вести переговоры стали Николай II и посол США Дж. Мейер, озвучивавший позицию Т. Рузвельта¹⁷¹. Американский президент настаивал на том, что условие обмена Северного Сахалина на деньги было «справедливо и почётно» для России. В случае же продолжения войны он угрожал, что Россию ждут дальнейшие бедствия и в частности, потеря всей Восточной Сибири¹⁷². Дж. Мейер, имевший поруче-

¹⁶⁷ С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 8 (21) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.163–164.

¹⁶⁸ На этот эпизод обратил внимание Б.А. Романов (Романов Б.А. Указ. соч. С.545).

¹⁶⁹ В.Н. Ламздорф – В.Н. Коковцову 9 августа 1905 г. // ОР РНБ. Ф.311. Оп.1. №3. Л.77–78.

¹⁷⁰ Конспект всеподданнейшего доклада В.Н. Ламздорфа 9 августа 1905 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.66. Л.39.

¹⁷¹ В стремлении Николая II действовать через американского посла можно усмотреть желание императора положить конец слишком инициативной позиции С.Ю. Витте, продолжавшего говорить об уступках, тогда как он для себя всё уже решил. В сущности, возможности своего уполномоченного царь ограничил подготовкой наиболее благоприятных условий вероятного разрыва переговоров, чтобы вся вина за неудачу мирной конференции пала «исключительно на Японию» (В.Н. Ламздорф – С.Ю. Витте 10 (23) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.172–173).

¹⁷² Т. Рузвельт – Дж. Мейеру 9 (22) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.5. Л.73.

ние срочно довести мнение Т. Рузвельта до царя, встретился с Николаем II 10 (23) августа. Самодержец и ему повторил свою позицию, изложенную днём ранее В.Н. Ламздорфу. В ходе двухчасовой аудиенции царь твёрдо заявил: «Я предпочитаю временно лишиться территории, чем унижить страну уплатой контрибуции как побеждённую нацию». В случае отказа японцев император намеревался продолжать войну. «Совесть говорит ему, что он прав и что народ поддержит его». Чтобы собеседник понял, что он не поддастся ни на какое давление, Николай II показал Дж. Мейеру телеграмму Вильгельма II, в которой тот советовал России (по согласованию с Т. Рузвельтом) заключить мир, который, по его мнению, был невозможен без контрибуции¹⁷³. Самодержец обещал лишь «щедро уплатить все расходы по содержанию русских пленных, но не такую сумму, которая могла бы быть истолкована как контрибуция»¹⁷⁴. Согласие же отдать южную часть Сахалина царь дал «на том основании, что она принадлежит России только 30 лет, а потому на неё можно смотреть как на Порт-Артур, а не как на исконную русскую территорию»¹⁷⁵.

Получив неутешительный ответ Дж. Мейера, Т. Рузвельт ещё раз, 13 (26) августа попытался настоять на своём. То, что американский президент действовал

¹⁷³ Здесь содержится неточность. Германский император писал Николаю II о том, что хорошо бы поставить вопрос о мире перед Думой и решить его согласно мнению народа (телеграмма Вильгельма II 7 (20) августа 1905 г. // Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894–1914 гг. М.: Пг., 1923. С. 110–111). Ответ, который Николай II зачитывал Дж. Мейеру, должен был выглядеть так: «Я ежедневно получаю телеграммы, письма, адреса и пр. с просьбой не подписывать мира на тяжёлых условиях. Всякий порядочный русский согласен продолжать войну до конца, если Япония будет настаивать на двух пунктах: ни пяди нашей территории, ни одного рубля вознаграждения за военные расходы. А именно в этом Япония не желает уступить. Меня же ничто не заставит согласиться на эти два требования. <...> Я готов нести всю ответственность сам, потому что совесть моя чиста, и я знаю, что большая часть народа меня поддержит» (Телеграмма Николая II, б/д. // Там же. С. 111). Несомненно, что такие высказывания царя адресовались не столько германскому императору, сколько американскому президенту: игра Берлина и Вашингтона не представляла собой загадку для Петербурга.

¹⁷⁴ Дж. Мейер – Э. Руту 11 (24) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 5. Л. 78. Россия уплатила Японии за содержание военнопленных 45 967 620 руб. 52 коп., эта сумма примерно соответствовала годовому дефициту японского государственного бюджета (Романов Б.А. Указ. соч. С. 565). Для современников было очевидно, что компенсация оказалась сильно завышена. По прикидкам информированного генерала А.А. Киреева, она не могла превышать 12–15 млн. руб., это без зачёта содержания японских военнопленных. Но главную контрибуцию он справедливо усматривал в уступке прав на рыбную ловлю вдоль побережья Восточной Сибири (Дневник А.А. Киреева. Записи за 17 августа и 21 октября 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 14. Л. 71 об., 74).

¹⁷⁵ Ч. Хардинг – Г. Ленсдоуну 13 (26) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 5. Л. 92. Ч. Хардинг сообщал это со слов американского посла.

по согласованию с японцами, выдают его фразы: «В противном случае Япония, пожалуй, откажется от мысли заключить мир». И далее: «Если мир будет заключён на предложенных мной (! – И.Л.) условиях, Россия выйдет из этой войны без существенного повреждения, национальная честь её и выгода будут спасены»¹⁷⁶. Перед этим, 12 (25) августа В.Н. Ламздорф передал царю, что за уплату контрибуции высказывается и французское руководство¹⁷⁷. Однако открытая игра на стороне японцев не принесла успеха. Дж. Мейер сообщил, что Россия не будет платить контрибуцию, что «в этом отношении правительство поддерживает пресса и весь народ, даже крестьяне»¹⁷⁸. После такого ответа Т. Рузвельт сдался, фактически признав, что его роль посредника закончилась в вопросе «Сахалин – контрибуция» полным провалом. Японцам он посоветовал всё-таки заключить соглашение¹⁷⁹. С.Ю. Витте в эти часы из Петербурга было предписано ждать¹⁸⁰.

Относительно почётным условиям Портсмутского мира Россия была обязана прежде всего Николаю II, проявившему незаурядную для себя твёрдость духа (редкий пример в его царствование) и не поддавшемуся на уговоры и угрозы ни С.Ю. Витте, ни Т. Рузвельта, ни Вильгельма II. В ночь с 15 (28) на 16 (29) августа российская делегация получила его резолюцию: «Пошлите Витте моё приказание завтра во всяком случае окончить переговоры. Я предпочитаю продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии»¹⁸¹. Самодержец принимал решение не столько на основании трезвого расчёта, сколько опираясь на «внутренний голос», как он нередко делал в сложных для себя ситуациях. В этот раз он оказался прав. Твёрдое решение далось Николаю II совсем непросто, он вполне понимал, чем рискует. Получив 17 (30) августа телеграмму от С.Ю. Витте об удачном завершении переговоров, царь записал в своём дневнике: «весь день ходил как в тумане после этого!»¹⁸²

¹⁷⁶ Т. Рузвельт – Дж. Мейеру 13 (26) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.5. Л.81–82.

¹⁷⁷ Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 12 (25) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.182–183.

¹⁷⁸ Дж. Мейер – Т. Рузвельту 15 (28) августа 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф.1328. Оп.2. Д.5. Л.83.

¹⁷⁹ Т. Рузвельт ещё 22–23 августа известил специального японского представителя К. Канеко о необходимости для Японии заключить мир. Копии этих писем он позднее представил вместе со своим посланием императору (Т. Рузвельт – Николаю II 6 сентября 1905 г. // АВПРИ. Ф.150. Оп.493. Д.200. Л.272–273).

¹⁸⁰ «Сергея Юльевича мы просили не торопиться, т.к. ход столь важного дела нельзя ставить в зависимость от общего нетерпения знать, чем кончатся переговоры» (В.Н. Ламздорф – В.Н. Коковцову 11 августа 1905 г. // ОР РНБ. Ф.311. Оп.1. №3. Л.79).

¹⁸¹ Резолюция Николая II на телеграмме С.Ю. Витте В.Н. Ламздорфу 14 (27) августа 1905 г. // Сборник дипломатических документов... С.191. На следующий день она была сообщена С.Ю. Витте (С.193).

¹⁸² Дневники императора Николая II. М., 1991. С.275.

Разумеется, американский президент известил о неудаче своего давления японцев. Узнав, что царь верит в маньчжурскую армию, поэтому абсолютно твёрдо решил не платить контрибуции и не отдавать Сахалин, японская делегация начала готовиться к безрезультатному завершению переговоров: она составила заявление о срыве конференции и намеревалась покинуть Портсмут 13 (26) августа. У противника наступила растерянность. Ю. Комура, хотя и имел полномочие уступить, не решался сделать это ещё раз без предварительного согласия Токио. Но больше всего он боялся краха мирной конференции. 13 (26) августа состоялась частная встреча делегаций, на которой С.Ю. Витте сообщил японцам о том, что они могут получить лишь южную часть Сахалина без какой-либо контрибуции. Японцы заметно волновались. «Они просили Сергея Юльевича, чтобы он им сказал не как русский уполномоченный, а как государственный человек, вообще, как бы он поступил на их месте. Он совершенно искренне советовал им заключить мир»¹⁸³.

Последнее слово всё-таки оставалось за Токио. Японским верхам было над чем поразмыслить. Ещё 6 августа посланник Страны восходящего солнца в Австро-Венгрии Н. Макино сообщил из Вены, что по его сведениям, в Петербурге опять набирает силу «партия войны», настаивавшая на пересмотре инструкций, данных С.Ю. Витте, в сторону ужесточения¹⁸⁴. Аналогичные сведения сообщал из Берлина его коллега К. Иноуэ¹⁸⁵. В Японии было также известно содержание разговора американского посла Дж. Мейера с Николаем II, в котором царь категорически отверг возможность контрибуции и территориальных уступок¹⁸⁶. Всё это явно способствовало смягчению позиции Токио. Японское правительство на заседании в ночь с 14 (27) на 15 (28) августа решило, что в сложившейся военной и финансовой ситуации Японии необходим

¹⁸³ Плансон Г.А. Портсмутская мирная конференция. Л. 114. Можно предположить, что, принимая решение о подписании мирного договора, японская делегация частично, но всё-таки приняла точку зрения С.Ю. Витте, который с самого начала предложил рассматривать прекращение войны в увязке с заключением союзного договора. Несколько позже, в январе 1906 г. Ю. Комура говорил в Токио бельгийскому посланнику, что для установления прочного мира с Россией его условия должны были выглядеть почётными для всех, чтобы не исключить «в будущем сближение между обеими державами» (Донесение бельгийского посланника в Токио – в Брюссель 8 января 1906 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 8. Л. 25).

¹⁸⁴ Н. Макино – в МИД 6 и 7 августа 1905 г. // Diplomatic Record Office, Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2.2.1.3–3. P.379–380, 384.

¹⁸⁵ К. Иноуэ – в МИД 14 и 25 августа 1905 г. // Ibid. P.406–407, 436–437.

¹⁸⁶ Японскому правительству детали разговора в Петербурге сообщил английский посол в Токио К. Макдоналд. Они немедленно были переданы Ю. Комуре (Т. Кацура – Ю. Комуре 27 августа 1905 г. // Ibid. P.443).

мир. Поэтому 15 (28) августа премьер Т. Кацура поручил Ю. Комуре снять вопросы о контрибуции и Сахалине, предварительно попробовав всё-таки настаивать на передаче всего острова¹⁸⁷.

Российская делегация в Портсмуте ожидала разрыва переговоров. Поэтому, когда на заседании 16 (29) августа прозвучало «полное согласие японцев», это оказалось «для всех здесь совершенная неожиданность, всё было готово к отъезду». «Часов в одиннадцать Витте вышел из зала совещания, он был красен и улыбался. Остановившись среди комнаты, он взволнованным голосом сказал: “Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всём”»¹⁸⁸. «Среди иностранцев и американцев живая радость. Русских приветствуют. Японцы имеют сконфуженный вид. Радости не разделяют, но скорбят»¹⁸⁹. Далее делегации обсудили ещё ряд технических вопросов¹⁹⁰, но главное было сделано: мир заключён. Российская делегация чувствовала и вела себя как победитель: это оказалось первым серьёзным успехом России в дальневосточной политике за ряд предшествовавших лет. Его результатом С.Ю. Витте воспользовался уже в Америке и на обратном пути в Россию. Он достиг важной договорённости, что банкирский дом Морганов поспособствует размещению русских ценных бумаг в Америке, а в Париже подготовил заключение Россией большого займа. Удача в Портсмуте стала трамплином для дальнейшей политической карьеры С.Ю. Витте – в октябре 1905 г. он возглавил созданное объединённое правительство в России, став первым в истории империи премьер-министром.

12.5. Отношение к Портсмутскому миру

Все великие державы хорошо приняли Портсмутский мир. Пожалуй, только Англия сохранила показное спокойствие, удивившись уступчивости японцев¹⁹¹. В Японии мирное соглашение вызвало повсеместное разочарование.

¹⁸⁷ Okamoto Sh. *Op. cit.* P.150–155.

¹⁸⁸ Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 году // *Былое*. 1918. №3 (31). С.74.

¹⁸⁹ И.П. Шипов – В.Н. Коковцову 16 (29) августа 1905 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.321. Л.74. В опубликованном варианте последняя фраза выглядит так: «Радости не разделяем, но скорбно вздохнули с облегчением» (Красный архив. 1924. №6. С.41). Участник японской делегации, капитан I ранга, прочитав условия заключённого мира, не смог скрыть своих чувств: «лицо его было всё перекошено от злобы и негодования» (Русин А.И. Указ. соч. С.255).

¹⁹⁰ Среди них были и важные. Например, только 19 августа (1 сентября) стороны подписали протокол о перемирии.

¹⁹¹ Одновременно Лондон усиленно зазывал возвращающегося С.Ю. Витте на пути в Россию посетить Великобританию. Российский уполномоченный отверг приглашение Эдуарда VII, сославшись на то, что он не имеет для этого полномочий из Петербурга (Литовцев С. Взгляд на русско-английское соглашение // *Речь*. 1912. 14 февраля; Из